

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УТРАТ: РАЗРОНЯТЬ

Рассматривается история и словообразовательно-семантические свойства глагола *разронять*, выражающего дистрибутивное ('уронить ряд объектов поочередно') или мультиобъектное ('уронить много объектов одновременно') значения. В современном литературном языке этот глагол практически неупотребителен; по корпусным данным, он наиболее частотен в текстах середины XIX — начала XX века. Высказывается гипотеза о причинах утраты этого глагола, которые предлагается связывать главным образом с конфликтом между значением приставки ('горизонтальная экспансия') и значением основы (в современном языке — 'неконтролируемое падение в вертикальном направлении'), тогда как исторически у основы *-рони-* наблюдались и другие употребления).

Ключевые слова: глагольная префиксация, пространственная семантика, глагольная множественность, русское историческое словообразование.

В исследовании русского словообразования представляют интерес не только продуктивные модели и процессы появления новых производных, но и в некотором смысле обратный случай — утрата словообразовательной производной с появлением лакуны в словообразовательной парадигме. Такие случаи часто труднообъяснимы и даже загадочны: исчезает производный элемент с хорошо понятной, специфической и востребованной семантикой, не замещаясь никаким другим и не оставляя никаких средств для специализированного выражения данного смысла. Что ж, язык далеко не всегда рационален в прямолинейном понимании этого термина, и законы, которые им управляют, сложнее, чем нам кажется.

В качестве одного такого загадочного исчезновения рассмотрим область русского префиксального словообразования, в которой обращает на себя внимание префиксальный дериват *разронять* (от основы *роня<j>*¹). По данным корпуса, его кратковременный взлет

¹ Заметим, что связь между *разронять* и *ронять* — морфологическая, но не семантическая. Семантически *разронять* является перфективным произ-

приходится на середину XIX — начало XX века, после чего этот глагол практически выходит из употребления: в современных текстах его встречаемость ограничена единичными случаями (часть из которых можно интерпретировать как цитаты или отсылки к более ранним примерам), и современный носитель если и владеет смыслом этого глагола, то скорее пассивно.

С точки зрения словообразовательного типа глагол *разронять* является приставочным перфективом; помимо обычного в таких случаях эффекта перфективации можно говорить о выражении более специализированных для префикса *раз-* **дистрибутивного** и **мультиобъектного** значений. Сходную семантику имеют, например, продуктивные в современном языке *разбросать*, *рассыпать* или *растерять*.

Дистрибутивному значению (точнее, локативно-дистрибутивному) можно сопоставить следующее толкование: *разронять X* = ‘уронить части или фрагменты однородной совокупности X поочередно (возможно, в разных местах)’. Иными словами, описывается несколько квантов действия ‘ронять’, последовательно происходящих подряд друг за другом и распространяющихся на всю наличную совокупность роняемых объектов. В современном языке этот повторяющийся характер действия специальным образом не обозначается, и для описания соответствующих ситуаций употребляются обычные глаголы *выронить* или *уронить* (пригодные в равной степени и для описания единичного кванта). В примерах ниже эта дистрибутивность отчетливо видна из общего контекста: объект имеет форму множественного числа, возможны также обстоятельственные группы, указывающие

водным от обозначения однократной ситуации, а в современном русском языке это *уронить*. Данное соотношение не вполне стандартно; в работе [Плунгян 2015] мы предлагаем для его обозначения термин «двухосновная перфективация» (см. также дополнительные рассуждения по этому поводу в [Летучий 2020]). При двухосновной перфективации приставочные производные со значениями из семантической зоны многократности выбирают имперфективную основу, а производные с другими значениями — перфективную основу (которая часто в современном языке оказывается связанной и не употребляется без приставок). Так, аналогично соотношению $у=ронить \sim раз=ронять$ (при отсутствии в современном литературном языке глагола **ронить*), устроена, например, пара $за=стрелить \sim рас=стрелять$ (при таком же отсутствии глагола **стрелить*); ср. с более обычным соотношением типа $валить \sim по=валить \sim раз=валить$, где имеется одна общая основа как у всех приставочных перфективов (независимо от их семантики), так и у бесприставочного коррелята НСВ.

на протяженное пространство, в котором локализируются отдельные кванты действия.

(1) *Но когда однажды он понес поднос с чашками и стаканами, разбил два стакана и начал, по обыкновению, ругаться и хотел бросить на пол и весь поднос, она взяла поднос у него из рук, поставила другие стаканы, еще сахарницу, хлеб, и так устала всё, что ни одна чашка не шевельнулась, и потом показала ему, как взять поднос одной рукой, как плотно придерживать другой, потом два раза прошла по комнате, вертя подносом направо и налево, и ни одна ложечка не пошевелилась на нем, Захару вдруг ясно стало, что Анисья умнее его! Он вырвал у ней поднос, **разронял** стаканы и уже с тех пор не мог простить ей этого.* [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]

(2) — *Ай! Горе мне!* — *таким же визгом ответила Маруся и со всех ног кинулась в дортуар, **разроняя** по дороге все принадлежности для умывания.* [Л. А. Чарская. Записки институтки (1901)]

(3) *Очертания леса так четки. // Разливаясь, горя, // Меж стволами янтарные четки // **Разроняла** заря.* [П. С. Соловьева (Allegro). Вечер (1915)]

Мультиобъектному значению можно сопоставить следующее толкование: *разронять X* = ‘уронить однородную совокупность объектов X одновременно (и в одном месте)’. В этом случае описывается не ситуация, состоящая из последовательных квантов, а ситуация одновременного падения нескольких или многих объектов. Это несколько другой тип глагольной множественности: хотя в языках мира оба эти типа часто выражаются одинаково, для их обозначения возможно использование и разных показателей (ср., *inter alia*, [Храковский 1989; Newman 2012; Henderson 2023]); поэтому эти значения целесообразно различать и в тех языках, где для них нет формального противопоставления. Характерные контексты для такого значения представлены в следующих примерах:

(4) *Агтя рылась на свободе // В ее вещах, в ее комодe // И **разроняла** всё из рук, // Марьянну увидавши вдруг.* [Т. Л. Щепкина-Куперник. Марьянна Волховская (1907)]

(5) *Турбин вытащил из кармана скомканный лист и, не помня себя, два раза ткнул им мальчишке в физиономию, приговаривая со скрипом зубным: — Вот тебе вести. Вот тебе. Вот тебе вести. Сволочь! На этом припадок его бешенства и прошел. Мальчишка **разронял** газеты, оскользнулся и сел в сугроб.* [Михаил Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)]

(6) Знакомый седой капельдинер в крахмальном воротничке и докторском пенсне, казавшийся Шуре прежде не очень симпатичным, бросился, расталкивая публику, навстречу Шуре и сначала крепко пожал, а потом неожиданно поймал и, покраснев, поцеловал ей руку, **разроняв** несколько афишек из своей пачки. [Федор Кнорре. Жена полковника (1947)]

(7) Александра Марковича Левина встретили аплодисментами, он приподнял очки, удивленно посмотрел в зал и сразу **разронял** все свои бумажки. [Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)]

Общий контекст для примеров (4)–(7) таков, что достаточно ясно, что роняемые объекты падают все сразу и одновременно — в отличие от примеров предыдущей группы, где более естественно предполагать последовательность отдельных квантов падения. Следует подчеркнуть, однако, что в русском языке эти значения, как уже было сказано, формально никак не различаются, и поэтому в отсутствие однозначного контекста не всегда возможно определить, идет ли речь о дистрибутивной или о мультиобъектной ситуации. Неясности такого рода возможны даже для некоторых примеров выше — так, в (1), вообще говоря, не исключено и одновременное падение всех стаканов с подноса (хотя, кажется, последовательное падение всё же более вероятно с точки зрения наших знаний о мире). Но, безусловно, в реальных текстах встречаются и такие случаи, где вероятность обеих интерпретаций приблизительно одинакова, ср.:

(8) <...> он чувствовал нервную дрожь и улыбался; желая для контенансу положить себе молодого картофелю, он **разронял** его по полу. [А. Мейхью. Блумсберийская красавица / пер. с англ. Марко Вовчок (1868)]²

² Остановимся немного подробнее на этом примере. Марко Вовчок (псевдоним урожденной Марии Вилинской, по первому мужу Маркович, по второму — Лобач-Жученко) — известная русско-украинская писательница и весьма плодовитая переводчица (иногда пользовавшаяся услугами гострайтеров); английский оригинал данного текста принадлежит полузабытому сегодня британскому юмористу Августу Мейхью (Augustus Mayhew, *The Finest Girl in Bloomsbury*, 1861). Соответствующее английское предложение имеет очень непростую и идиоматичную структуру; в русском переводе она никак не передается, и сохраняется (впрочем, в целом успешно) лишь ситуативная эквивалентность. У Мейхью данное место выглядит так: *He was nervous, too, and foolishly tried to help himself to new potatoes, which are known to be vegetables fond of rolling about the room* (более буквальный перевод мог бы здесь быть, например ‘Нервы его тоже были на пределе, и он необдуманно решил положить

(9) *Один раз Нолли сильно отколотили за то, что он не мог донести большую корзину с яблоками, уронил ее и **разронял** яблоки.* [Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)]

(10) *Он потащил целое беремя толстых переплетенных книг и тотчас же **разронял** их.* [Ф. Д. Крюков. Обыск (1906–1915)]

Примеры (8)–(10) с равной вероятностью могут описывать как ситуации, где объекты падали друг за другом последовательно, так и ситуации, где они упали и рассыпались все одновременно.

По всей вероятности, это означает, что в толковании *разронять* не следует жестко противопоставлять дистрибутивную и мультиобъектную интерпретации как принадлежащие разным значениям. Более адекватным представляется указание на возможность реализации обеих альтернатив в виде дизъюнкции — например, следующим образом:

разронять X = ‘уронить части или фрагменты однородной совокупности X поочередно (и, возможно, в разных местах) или уронить однородную совокупность объектов X одновременно’.

Интересно, как существующие толковые словари справляются с этой проблемой. Основные словари XX века данный глагол включают, но, к сожалению, не отражают мультиобъектных контекстов вовсе (возможно, потому, что в XX веке данный глагол уже выходил из употребления): все они строят толкования (в достаточно близких

себе порцию молодого картофеля, не учтя, что больше всего этот зверь любит прыгать с тарелок и кататься по полу’). Существенно, таким образом, что здесь решение употребить глагол *разронять* (с созданием всего пространного вспомогательного контекста для него) целиком принадлежит русскому переводчику и отражает именно русский узус середины XIX в. Дополнительно стоит пояснить, что выражение *для контенансу* или *для контенанса* (также в каком бы то ни было виде отсутствующее в английском оригинале!) было распространенным в XIX в. галлицизмом с примерным значением ‘для большей уверенности; чтобы казаться непринужденным’ (из фр. *par contenance*; само слово *contenance* буквально означает ‘содержимое, вместимость’, а также ‘манера держать себя; сдержанность, умение соблюдать приличия’). По данным словаря [Сорокин 1998: 143–144], заимствование *контенанс* в этом значении было употребительно в языке XVIII в.; позднее оно осталось только в составе указанного оборота, который надежно фиксируется у авторов второй половины XIX в. (в частности, у Тургенева, Достоевского, Лескова и раннего Чехова), но к концу 1910-х годов также полностью выходит из употребления — интересным образом, во многом повторяя судьбу глагола *разронять* (см. ниже).

формулировках) только с учетом дистрибутивных контекстов. Так, словарь Ушакова дает толкование ‘выронить, уронить в несколько приемов много ч.-н.’, словарь Ожегова — ‘выронить одно за другим, постепенно’³, МАС — ‘уронить одно за другим в несколько приемов (всё, многое)’, и т. п. Как можно видеть, ни одна из этих дефиниций не предусматривает ситуации ‘выронить одновременно много объектов’, а между тем примеры типа (4)–(7) отражают именно ее. Примечательным образом, однако, такое понимание фиксируется в словаре Даля: уже в издании 1863–1866 гг. (*sub разранивать*) дается точная и практически безупречная, на наш взгляд, формулировка «ронять врассыпную, в разных местах, растерять, раскидать по небрежности, или ронять враз много вещей». Последняя часть этого толкования как раз и соответствует мультиобъектной интерпретации — Даль (справедливо) не выделяет ее в самостоятельное значение, но пронизательно отмечает возможность употребления глагола *разронять* в двух вообще говоря разных типах ситуаций (в его терминах, «врассыпную» и «враз»). Интуиция Даля заслуживает тем большей похвалы, что о типологической релевантности такого различия в то время, конечно, еще не могло быть известно: до появления первых типологических исследований глагольной множественности оставалось больше ста лет.

В заключительной части наших заметок хотелось бы немного подробнее коснуться очень любопытных, на наш взгляд, обстоятельств ухода глагола *разронять* из языка. Относительно начального периода появления этого глагола достоверных данных недостаточно, но его активное употребление мы наблюдаем с середины XIX в.⁴ примерно в течение ста лет. К середине XX века глагол практически полностью выходит из активного употребления; современным (особенно молодым) носителям языка он, как кажется, вовсе неизвестен (хотя

³ Не вполне ясно, зачем здесь добавлено ‘постепенно’: приведенные выше иллюстрации (как и много других) практически всегда описывают ситуацию достаточно быстрой смены квантов падения объектов. Так, вряд ли Захар в примере (1) ронял стаканы *постепенно*; аналогично обстоит дело и в других случаях. Видимо, более уместным здесь было бы уточняющее наречие типа ‘поочередно’.

⁴ В то же время первая фиксация этого глагола в текстах Национального корпуса — существенно более ранняя: это берестяная грамота 272 (конец XIV в.); соответствующий фрагмент выглядит как *безь другого коня животь пометаль а иноє розроняль*; предлагаемый А. А. Зализняком [2004: 587–588] перевод (‘без второго коня имущество побросал, а иное растерял’) вполне согласуется с семантикой класса дистрибутивных употреблений.

в текстах понимается достаточно свободно в силу продуктивности соответствующей словообразовательной модели). При этом в словарях языка Пушкина и Грибоедова этот глагол тоже отсутствует. Любопытно, что основные толковые словари середины XX века включают этот глагол без дополнительных помет, и только МАС помечает его как *разг.* Последнее, по-видимому, является попыткой как-то зафиксировать процессы маргинализации, уже начинавшие затрагивать это слово, но представляется, что для имеющихся примеров XIX–XX вв. помета «разговорное» не является адекватной. Прозаические контексты (ср. в том числе и приведенные выше примеры) скорее стилистически нейтральны; с другой стороны, мы находим употребления глагола *разрывать* и в поэтических текстах, в том числе у авторов, явно никак не склонных к разговорному регистру — например, у Фета, Вяч. Иванова, П. Соловьевой (ср. выше пример 3) и др. Вот еще несколько примеров, максимально далеких от признаков «разговорного» регистра:

(11) *Вот, нежа дыханье и взор, // От счастья роза увяла // И свой благовонный убор // К твоим же ногам **разрывает**.* [А. А. Фет. «Людские так грубы слова...» (1889)]

(11) *Пред ним — Мария, в дымке голубой, // И молвит, в белую одета столу: // «Все розы **разрывает** я с тобой, // «О Феофил! пусти за розой долу». // И сходит в голубеющий кристалл, // Разверзшийся по тайному глаголу.* [Вяч. Иванов. Феофил и Мария (1910–1911)]

Таким образом, глагол *разрывать* как минимум на протяжении ста лет оставался в русском литературном языке достаточно употребительной нейтральной лексемой, образованной по продуктивной словообразовательной модели и выражающей распространенные и востребованные в лексической системе значения из группы глагольной множественности. Глаголы с близкими значениями и словообразовательной структурой по-прежнему существуют в современном языке и не обнаруживают каких-либо тенденций к исчезновению. Почему же глагол *разрывать* просуществовал в активном употреблении так недолго и практически исчез к последней четверти XX века? Вряд ли на этот вопрос можно сегодня ответить со всей полнотой, но рискнем предложить гипотезу. С нашей точки зрения, утрате этого глагола могли способствовать два фактора. С одной стороны, в семантике глагола *разрывать* дистрибутивное употребление оказалось «размыто» мультиобъектным (о важности учета этих контекстов для описания всех употреблений глагола мы говорили выше). Для русской

словообразовательной системы такого рода полисемия не вполне типична, обычно границы дистрибутивных употреблений остаются достаточно жесткими (ср., например, поведение глаголов типа *рассыпать* или *разбросать*, не допускающих мультиобъектной интерпретации). Не случайно мультиобъектные контексты не были отмечены в современных толковых словарях: при поверхностном взгляде на представителей данной словообразовательной модели носитель языка вообще не склонен эти употребления замечать. А поскольку мультиобъектность в русском языке к специализированному морфологическому выражению не склонна, то в этом значении *разронять* легко заменялся своими более общими синонимами *уронить* и *выронить* (в ситуации, когда воздействие на много объектов происходит одновременно, естественно сказать *выронить все яблоки из корзины* — точно так же, как *высыпать все монеты из кошелька*). Тем самым, семантический дрейф от дистрибутивности к мультиобъектности мог способствовать вытеснению специализированной дистрибутивной формы.

С другой стороны, причину снижения употребительности глагола *разронять* можно видеть в некотором противоречии между семантикой приставки *раз=* и семантикой лексической основы. В интересующем нас здесь дистрибутивно-дисперсивном значении приставка *раз=* выражает прежде всего «горизонтальную экспансию» (хорошо видную в таких производных, как *разбросать*, *раскинуться*, *расплываться* и мн. др.; подробнее о ее семантической структуре см., например, [Анна Зализняк 1995] и [Janda et al. 2013: 42–52]). Основа же глагола *рони-* в современном языке связана прежде всего с вертикальным движением (а именно, неконтролируемым падением, вызванным утратой фиксированного положения). В семантическом плане сочетание этих двух компонентов не вполне естественно: вертикальное падение может привести к пространственной экспансии (например, если роняющий субъект движется), но это далеко не прямая связь. Соответственно, и в этом случае замена специализированного *разронять* на нейтральное *уронить* или *выронить* устраняет противоречие: компонент вертикального движения остается доминирующим и лишь при необходимости подвергается контекстной модификации. Заметим, что более древний семантический репертуар основы *рони-*, по-видимому, был более разнообразным: этимологические, исторические и диалектные данные свидетельствуют как о наличии в его составе контролируемых значений типа ‘валить, обрушивать’ (ср. выражение *ронить лес*, широко засвидетельствованное как в древних

памятниках, так и в современных диалектах), так и о возможности выражать другие типы движения (прежде всего, движение жидкости, течение — реликты такой семантики можно видеть в сочетаниях типа *ронять слезы*). Сужение этого репертуара до неконтролируемого падения, по-видимому, также способствовало утрате некогда употребительного деривата.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: ЯСК, 2004.

Зализняк Анна А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics*. 1995, vol. 19 (2), pp. 143–185.

Летучий А. Б. Проблема выбора вида основы при префиксации: некоторые соображения // *Известия РАН, сер. литературы и языка*. 2020. Т. 79. № 3. С. 49–62.

Плунгян В. А. Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика // М. Китадзё (ред.). *Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития* (Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов). Kyoto: Kyoto Sangyo U., 2015. С. 208–212.

Сорокин Ю. С. (ред.). *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 10. СПб.: Наука, 1998.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.

Henderson Robert. Pluractionality and distributivity. *The Languages and Linguistics of Indigenous North America: A Comprehensive Guide*. Carmen Dagostino, Marianne Mithun & Keren Rice (eds.) (The World of Linguistics 13/1). Boston: De Gruyter Mouton, 2023, pp. 497–510.

Janda Laura A., Anna Endresen, Julia Kuznetsova, Olga Lyashevskaya, Anastasia Makarova, Tore Nessel & Svetlana Sokolova. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica, 2013.

Newman Paul. Pluractional verbs: An overview. *Verbal Plurality and Distributivity*. Patricia Cabredo Hofherr & Brenda Laca (eds.). Berlin: De Gruyter, 2012, pp. 185–210.